

В.Н. Караман

**Корейские иммигранты и русские официальные
власти на российском Дальнем Востоке:
динамика взаимодействия
(вторая половина XIX – первая треть XX вв.)¹**

**The Korean immigrants and Russian authorities in the Russian Far East:
dynamics of interaction (second half XIX – first third XX centuries)**

В статье говорится об этапах взаимодействия корейских мигрантов на российском Дальнем Востоке и российских властей. Были использованы как никогда ранее не входившие в научный оборот документы архивов Дальнего Востока, так и уже известные документы, получившие новое освещение. Рассмотрены два стиля отношений: императорский и советский. Определены их общие черты.

◆

In article it is spoken about stages of interaction of the Korean migrants in the Russian Far East and the Russian authorities. Documents of archives of the Far East not entering into a scientific turn, and already known documents received new illumination and considered under other corner of sight have been used as never earlier. Two styles of relations are considered: imperial and Soviet. Their general lines are defined.

Любой мигрант во все времена при переселении на любую территорию, прежде всего, сталкивался и выстраивал отношения с властями той страны, куда он мигрировал. Ограничением для этого была только удаленность от центральных и местных властей, от места поселения мигрантов и оперативность реагирования властей на новых поселенцев. Особенность корейской миграции и в том числе особенность отношения русских, а затем и советских властей определялась даже не столько внутривосточной ситуацией в России, сколько международной ситуацией на Дальнем Востоке.

С момента корейского переселения начались и контакты корейцев с русскими властями.

В рассматриваемый нами период было несколько волн миграции корейцев на российский Дальний Восток. В основном эти волны определялись состоянием дел в Корее, что вполне закономерно и характерно для любой страны. Когда положение (экономическое, политическое, религиозно-политическое) в стране ухудшается, количество эмигрантов растет, когда улучшается –

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Академии корейских исследований (AKS-2007-R-11)

соответственно рост эмиграции падает и растет количество иммигрантов. При государственных ограничениях и запретах увеличивается количество тайных или незаконных мигрантов (отказников, перебежчиков и т.д.). Корея и корейские мигранты не являются исключением из этого правила.

При определении взаимоотношений русских властей и корейских мигрантов следует сказать несколько слов об особенностях, отличающих корейскую миграцию на российском Дальнем Востоке.

Во-первых, мигрирующие корейцы являлись государственным народом с древней традицией государственности.

Во-вторых, этот период был одним из тяжелейших в истории Кореи: внутренние неурядицы, колониальное давление европейских держав, экспансия Японии, сумевшей отодвинуть своих конкурентов за гегемонию в Азии и аннексировать Корею в 1910 году.

В-третьих, российский Дальний Восток, являвшийся окраиной как Российской Империи, так и Советского Союза, был мало заселенной и малоосвоенной и соответственно малоохраняемой территорией.

В-четвертых, менталитет корейцев данного периода (особенно в начале) резко отличался от русского, в отличие от последующих лет, когда длительные и интенсивные контакты несколько снизили различие в менталитете двух народов.

В-пятых, политическое положение России не было неизменным (поражение в русско-японской войне, две революции, гражданская война) и при взаимоотношениях с корейскими мигрантами как русские, так и советские власти не могли не учитывать отношения не только с Кореей, но и с соседними странами региона.

Мы выделим несколько этапов, на наш взгляд, наиболее точно отражающих динамику взаимоотношений русских властей с корейскими мигрантами¹. Эта периодизация несколько не совпадает с волнами миграций. Действительно, приток или отток мигрантов идет совсем по другим законам, чем динамика взаимоотношений мигрантов с властями, но иногда они и пересекаются.

1860-е – 1884 гг. От первых корейских поселений до подписания в Сеуле Русско-корейского договора "О дружбе и торговле".

1884 – 1905 гг. От подписания в Сеуле Русско-корейского договора "О дружбе и торговле" до русско-японской войны.

1905 – 1910 гг. От русско-японской войны до аннексии Кореи.

1910 – 1917 гг. От аннексии Кореи до второй русской революции.

1917 – 1922 гг. Период Гражданской войны в России.

1922 – 1932 гг. От окончания Гражданской войны до начала

¹ Кузин А.Т. Переход корейцев в Дальневосточные пределы Российского государства. Южно-Сахалинск, 2001. – С. 5-7.

коллективизации.

1932 – 1937 гг. От коллективизации до депортации корейцев с территории ДВК.

Исследователи российско-корейских отношений указывают на вторую половину 60-х годов XIX века как на отправную точку корейской миграции в Россию. В этот период корейские мигранты воспринимаются просто как еще одно инородческое население для колонизации Дальнего Востока. Однако отношение к корейской миграции вполне положительное. Переселение корейцев приветствовалось даже вопреки отрицательной реакции на это корейских и китайских властей. По этому поводу в 1865 году первый военный губернатор Приморской области П.В. Казакевич прямо писал в Главное Управление Восточной Сибири: "... считал бы полезным в видах большего ограждения переселившихся корейцев от придинок корейских и китайских начальств зачислять их в государственные крестьяне, что необходимо делать таким образом, чтобы это становилось известным и было видимо для соседнего китайского начальства."¹

Разумеется, такое отношение было вызвано у правительственных чиновников не их личным добрым отношением к мигрантам, а вполне практичным и отчасти эгоистичным расчетом на то, что вновь прибывшие являются сложившимися (в социально-психологическом понимании) крестьянскими хозяйствами и при ассимиляции увеличат податное сословие и все следующие отсюда политико-экономические выгоды при освоении региона.² Крестьянский уклад переселявшихся корейцев импонировал русским властям и выгодно отличался от ссыльно-поселенцев, в частности Сучанского района, которые в отчете Генерального штаба капитана Гельмерсена о поездке в гавань Посыета в 1865 году отмечены как отличающиеся "... ленью и пьянством..."³. Кроме того, следует отметить, что 60-70-е годы XIX века в России были годами повышенного интереса к крестьянству, причем не только у революционно настроенных народников. Эта в определенной степени мода на все крестьянское передалась и правительственным чиновникам. Поэтому крестьянский уклад корейских переселенцев произвел благожелательное впечатление не только с чисто экономической точки зрения, но и с психологической, что при взаимоотношении мигрантов с властями особенно важно.

Однако с самого начала корейские мигранты рассматривались как экономически выгодный объект ассимиляции для освоения дальневосточного региона, поэтому, кроме экономических выгод, рассматривались и издержки при миграции корейцев в пределы Российской Империи. В частности, в том же отчете 1865 года указывалось на необходимость контролируемой миграции. Переселение следовало в зависимости от ситуации то поощрять, то сдерживать или "... остановить его, если накопление корейцев

¹ Корейцы на Российском Дальнем Востоке. (вт. Пол. XIX – нач. XX вв.). Документы и материалы. Книга 1.- Владивосток, 2004. – С. 21 – 22.

² Там же. С. 20 – 21.

³ Там же. С. 27.

сделается неудобно, вследствие того, что они приобретут слишком большой перевес над русским населением."¹

В целом за период 60-х 80-х годов XIX века отношения корейцев с властями вполне укладывались в рамки "Правил для поселения русских и инородцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири" от 26 марта 1861 года к взаимной выгоде: прибывавшие корейцы получали землю и ссуду на обзаведение хозяйством, а власти – крестьянские хозяйства, укрепляющие границы империи.

Однако подобное положение не могло продолжаться бесконечно. Полной ассимиляции не получалось. Вновь прибывающие оказывались в двойственном положении: "... корейцы до сих пор не закреплены за землю, которою кормятся, ни за государством, которое им дало эту землю."² Требовались юридические шаги к определению положения корейцев на российском Дальнем Востоке и в результате 25 июня (7 июля) 1884 года в Сеуле подписывается Русско-корейский договор "О дружбе и торговле".

После подписания договора русские власти начинают выстраивать отношения с корейским населением, оказавшимся в пределах Российской Империи. Корейцы продолжают рассматриваться как инородческое и сугубо сельскохозяйственное население. Однако существует четкая тенденция разделить корейцев на русско-подданных и иноподданных. Но это не всегда удавалось четко определить. Наиболее последовательным с немецкой пунктуальностью в этом был П.Ф. Унтербергер, как в должности военного губернатора Приморской области, так и в последующем в должности генерал-губернатора Приамурского края. Здесь сказывался также фактор малой заселенности и сложности в переписи. Только к 1891 году удалось приступить к регистрации корейцев на территории Приамурского края. Немаловажную роль сыграло и то, что далеко не все государственные деятели России тогда понимали значение не только миграций на Дальнем Востоке, но и значение вообще Дальнего Востока для России. Особенно это касалось верховной власти и бюрократического аппарата в Петербурге. Высшие военные чины так же не оказались на высоте понимания задач. Достаточно упомянуть книгу главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии с 13 октября 1904 по 3 марта 1905 года А.П. Куропаткина, где он в главе "Мнения военного министра в 1900 – 1903 гг. по маньчжурскому и корейскому вопросам. Что исполнено военным министром, чтобы избежать разрыва с Японией" высказывает не только свое личное мнение, но и отражает в определенной мере господствовавшую в военных верхах точку зрения³.

Годы, выделенные нами во втором периоде, можно охарактеризовать как годы, потерянные Россией и в военно-политическом плане приведшие к поражению в русско-японской

¹ Там же. С. 25.

² Там же.

³ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904-1905: Итоги войны. – СПб.: Полигон, 2002.

войне. То, что Япония в это время шла к захвату дальневосточного региона, было ясно даже самым недалёковидным политикам. Однако главным просчетом центральных русских властей было то, что они не посчитали Японию достойным военно-политическим соперником России и больше оглядывались на мнение европейских держав, чем на собственные возможности. Верховная власть в Российской Империи была сосредоточена в руках царя, однако Николай II, несмотря на то что, будучи еще наследником, проделал путешествие по в том числе и дальневосточному региону с целью постичь задачи, стоявшие перед страной, так и не понял потенциала Дальнего Востока. Корея, Маньчжурия остались для него экзотическими странами, годными только для колониальной экспансии. Об этом, в частности, говорит такая его реплика: "Я не хочу брать себе Корею, – говорил государь Принцу Генриху (в октябре 1901 г.), но никоим образом не могу допустить, чтобы японцы там прочно обосновались. Это было бы *casus belli*. Столкновение неизбежно; но надеюсь, что оно произойдет не ранее, чем через четыре года – тогда у нас будет преобладание на море. Это – наш основной интерес. Сибирская дорога будет закончена через 5 – 6 лет".¹ То, что Япония не будет ждать военно-экономического укрепления России на Дальнем Востоке, в расчет принято не было. России это стоило военного поражения. Здесь, пожалуй, следует отметить частую тенденцию многих государственных деятелей оттянуть назревающие события.

Мнение что бесподданные корейцы являются нежелательным элементом, разделяли многие чиновники, однако меры к упорядочению дел принимали неохотно, считая это второстепенным делом. Еще одним фактором, затягивающим неопределенность корейских мигрантов в Приамурском крае, было неустойчивое положение самой Кореи. То, что Япония стремилась к захвату Кореи, было ясно, а после японско-китайской войны 1894 – 1895 годов и того как король Кореи Кочжон скрывался от японцев в русской миссии, русско-японская война и аннексия Кореи стали, как говорится, только вопросом времени. То, что король Кореи укрывался именно в русской миссии, давало возможность усиления русского влияния в Корее. Однако это не было использовано Россией в полной мере. Открывавшиеся возможности усиления России в Азии пошли по другому пути. Главным интересом России стала Маньчжурия. Это особенно и не скрывалось, просто русско-японская война четче обозначила интересы враждующих сторон. Так генерал А.Н. Куропаткин 12 июля 1905 года, как раз в преддверии подписания Портсмутского мирного договора, писал генералу А.Ф. Редигеру: "Условия, по моему мнению, желательны следующие: Корею отдать Японии, Порт-Артур и южную ветвь вернуть Китаю, взамен его получить права на северную Маньчжурию, дабы сохранить магистраль в наших руках. О таком решении маньчжурского вопроса я подавал государю запис-

¹ Цитируется по: Ольденбург С.С. Царствование Николая II. – М., 1992. – С. 200.

ку..."¹

После русско-японской войны и первой русской революции тенденция к закреплению находящихся в России русскоподданных корейцев и пресечение нелегальной миграции корейцев в Россию усилилось, так как резко увеличился поток корейских мигрантов Приамурский край.² Если до русско-японской войны русские власти еще старались не допускать прямых антияпонских выпадов, могущих стать поводом к войне, то после войны Приамурская печать, подконтрольная властям, не обременяя себя современной политкорректностью, однозначно высказывалась против действий Японии в Корее. Данная реакция была вызвана, конечно, не бескорыстной заботой о судьбе Кореи, хотя и это нельзя сбрасывать со счетов, а прагматичным беспокойством за русские интересы в Азии и ослаблением позиции России. Кроме возросшей миграции, особое беспокойство властей вызывали корейские военные отряды, которые формировались на территории Российской Империи и отправлялись в Корею для пополнения антияпонских военных формирований, в частности Ёйбен ("Армия справедливости").³ У нас нет данных утверждать, что российские власти напрямую участвовали в их создании, однако и каких-либо мер, мешавших их созданию, не предпринималось. Мало того, судя по донесениям пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, отношение к ним вполне доброжелательное. Беспокойство вызвано только нахождением отрядов вблизи границы, что могло иметь непредсказуемые последствия, в том числе и начало новой войны с Японией.⁴ И это в то время когда должность генерал-губернатора Приамурского края занимал П.Ф. Унтербергер, наиболее строгий администратор, особенно в вопросах регулирования мигрантов. Однако и ему не удалось полностью урегулировать вопрос подданства корейцев на российской территории. К 1910 году в одной только Приморской области проживало 51454 корейцев, из которых русскоподданными было только 14799 человек.⁵ Такое отношение властей к корейскому вопросу заставляет делать вывод, что русское центральное правительство так и не определилось со своей позицией: использовать ли прибывающих корейцев в качестве вооруженных сил против Японии или полностью отказаться от корейской миграции, перенаправив поток мигрантов в Китай. Так, действительно, с одной стороны, русские власти (главным образом дальневосточные чиновники) фактически поддерживали антияпонские корейские организации на своей территории, а с другой стороны (позиция МИДа), фактически "сдали" Корейского монарха на Гаагской мирной конференции 1907 года и устранились от участия в судьбе Кореи.⁶

¹ Цитируется по: Книга исторических сенсаций. – М., 1993.. – С. 136.

² Кузищин А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 14.

³ Корейцы на Российском Дальнем Востоке... указ изд. С. 9.

⁴ Там же. С. 187, 197, 212.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Торкунов А.В. История Кореи. – М., 2003. – С. 271.

В 1910 году Япония аннексирует Корею. Русским властям приходится решать более сложные задачи. Во-первых, нерешенный вопрос гражданства корейцев встает с новой силой. Если с русскоподданными корейцами все ясно, то иноподданные корейцы становятся проблемой. Государство аннексировано и стало частью Японии – они не могут быть корейскими подданными. От японского подданства большинство корейских мигрантов категорически отказалось.¹ Однако это не помешало Японии, когда это было нужно, заявить их как японских подданных, что создавало лишние административные затруднения.² Вопрос подданства так и не был окончательно решен. Во-вторых, военные власти (точнее, как сейчас стало принято говорить, "силовые структуры") поняли, что, аннексируя Корею, Япония не столько приобретает, сколько теряет, получая материальным ресурсам дополнительную головную боль в виде корейского сопротивления. В своем письме министру внутренних дел П.А. Столыпину военный министр В.А. Сухомлинов прямо указывает на перспективы России при грамотном использовании ситуации в Корее.³ Письмо было перенаправлено П.Ф. Унтербергеру, который, дав описание положения дел по корейскому вопросу в Приамурском крае, очень точно обозначил проблему: "... использование Кореи в интересах нашей государственной обороны..."⁴. Однако это направление не было использовано в полной мере, так как силы России на Дальнем Востоке были ослаблены, а политической воли к их укреплению не оказалось. Все мероприятия в этом направлении заглохли на уровне экспертных оценок. В этом плане наиболее интересна работа Восточного института, не как научно-исследовательского, а как военно-прикладного учебного заведения, ориентированного на Восток.

Но, несмотря на нерешенность многих вопросов корейских переселенцев, положение их настолько упрочилось, что даже шла подготовка празднования 50-летия переселения корейцев в Приамурский край и только вступление России в Первую мировую войну не дало его провести.

Революция и Гражданская война сделали неактуальными многие вопросы переселенцев (в частности вопрос о подданстве или гражданстве, налогообложении и др.). Основным стал вопрос, как выжить и выступать ли на стороне одной из противоборствующих сторон. Многие корейцы встали на сторону советской власти, и в этом плане особый интерес представляют их воспоминания⁵.

После Гражданской войны и установления Советской власти вновь встают вопросы мирного времени. И одним из основных стал перешедший "по наследству" от императорской власти к советской вопрос подданства корейцев. Но и советской власти тоже

¹ Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897-1917 гг. – Владивосток, 2001. – С. 285.

² Там же. С. 289.

³ Корейцы на Российском Дальнем Востоке... указ изд. С. 240-241.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ ГАХК. Ф. П-44, оп. 4, д. 600, л. 1-8; д. 599, л. 1-228.

его не удалось решить окончательно. Главной причиной этого было то, что вопрос не был приоритетным. Первоначально предполагалось удалить от границы всех корейцев.

Те вольности, которые допускались при императорском правительстве в виде политических объединений, при советской власти сразу пресекались. Любое существование допускалось только в рамках формирующейся советской идеологии. Все корейцы рассматривались как часть международного коммунистического движения. Любые попытки сближения с корейцами вне Советского Союза, не санкционированные центральной властью, пресекались. Корейцы довольно активно включились в партийную жизнь в СССР, это было гораздо заметнее, чем деятельность других национальных общин, особенно на Дальнем Востоке. Здесь большим плюсом было то, что вопрос межнационального общения корейцев и русского населения советской властью был решен более оперативно, чем при императорской власти. Это позволяло корейцам чувствовать себя уже не инородческим населением, а как одним из полноправных народов образовавшегося Советского Союза. Не развеявшееся еще идеологическое обаяние идеи мировой революции и пролетарского интернационализма в определенной степени позволяло корейцам – членам ВКП(б) смотреть на себя как на будущих освободителей Кореи. Это в определенной степени снимало национальные противоречия внутри страны. Однако это продолжалось не долго. Проведение коллективизации и раскулачивания вызвало отток в том числе и корейского населения, что сразу было отмечено в донесениях ПП ОГПУ.¹

После проведенной коллективизации положение в стране меняется далеко не в лучшую сторону. Решение любых вопросов силовым путем входит в повседневную практику. С провалом надежд на мировую революцию национальный вопрос встает в полную силу. На него, как всегда в любом государстве (и СССР в этом не был исключением), влияют внешний и внутренний факторы. Внешний: Япония к середине 30-х годов XX века достигла пика своего военно-политического могущества в Азии. Поскольку Корея входила в состав Японской империи, а Япония не скрывала своего стремления захвата советского Дальнего Востока, то положение корейцев становилось двойственным. С одной стороны, корейцы рассматриваются как народ, пострадавший от империалистической экспансии, а с другой – как составная часть враждебного СССР милитаристского государства. К той же середине 30-х годов в СССР, точнее в его партийной верхушке, ощущается отход от интернационалистической идеологической доктрины к имперской (особенно это проявилось к 1939 году). Данная динамика была отмечена как исследователями того времени, так и современниками. Здесь показательны внешние отношения не столько с Японией, сколько с Германией. Во внутренней политике стала культивироваться идея осажденного коммунистического лагеря капиталистическим окружением с соответствующей шпиономанией. В результате корейское население советского на-

¹ ГАХК. Ф. П-2, Оп. 1, Д. 242, Л. 306.

селения Дальнего Востока стало рассматриваться высшим партийным руководством как неблагонадежный элемент на случай войны с Японией. Особенность анализа советской эпохи в том, что когда исследуется деятельность властных структур, обращаться, в первую очередь, надо не к документам органов власти, а к партийным. Решения советских органов власти лишь фиксировали уже принятое решение, а вопрос, каким именно оно должно быть, решался в партийных структурах. Риторика партийных документов со второй половины 30-х годов меняется. В партийной переписке, так или иначе затрагивающей корейский вопрос, обращает на себя внимание тот факт, что тон корейцев – членов ВКП(б) переходит сначала на оправдывающийся, а потом на извиняющийся. То есть члену партии практически вменялось в обязанность бесконечно доказывать, что он не буржуазный националист. Но и это не помогло. Главным стимулом при принятии решения о депортации стало желание, чтобы на границах государства не было никаких элементов, на которые мог претендовать или мог использовать в своих интересах потенциальный агрессор. То есть корейцы рассматривались как очаг проблем с Японией в связи с военно-политическим усилением позиции Японии в Азии. Приводящиеся иногда экономические мотивы не выдерживают критики. Экономически такое переселение было, в лучшем случае, бессмысленным. Решение было чисто геополитическим с игнорированием всех остальных аспектов. Причем апробация проводилась в 1927, 1930, 1932 годах¹.

После окончания Второй мировой войны геополитические интересы, наоборот, требуют присутствия корейцев на советском Дальнем Востоке. Принимаются соответствующие решения об обустройстве корейцев². Таким образом, советское государство возвращается к упоминавшейся идее царских военных чиновников и готовится война в Корею.

Исторический опыт взаимодействия российских властей и корейских мигрантов показывает всю степень сложности национальной политики на Дальнем Востоке. Так же этот опыт наилучшим образом сможет помочь в современной ситуации в частности при подготовке государственно-организованного возвращения в Приморский край российских корейцев. Здесь требуется особенно взвешенные решения. Тем более что центр тяжести международной политики, вслед за экономикой неуклонно перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. И по оценкам многих аналитиков это не просто долговременная тенденция – это процесс формирования последней Ойкумены человечества³. Но эти вопросы лежат уже за рамками нашего исследования.

¹ РГАСПИ. Ф.17, оп.21, д.5442, л. 164; Ф. 17, оп.3, д.773, л. 3.

² ГАХК. Ф. 137, оп. 14, д. 75, л. 247-248.

³ Капица С.П. Модель роста населения Земли и предвидимое будущее цивилизации. // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 7 – 15.